

УДК 101.1:316.37

СУВЕРЕНИТЕТ И ДЕМОКРАТИЯ: ШМИТТ VS ХАБЕРМАС

© 2010 г.

Ю.И. Деревянченко

Омский государственный педагогический университет

der@bk.ru

Поступила в редакцию 22.03.2010

Рассматривается проблема несовпадения постулируемого и воплощаемого в действительности суверенитета в демократических обществах. Исследуются подходы К. Шмитта и Ю. Хабермаса к определению субстанциональной основы суверенной власти. Делается вывод о том, что в условиях социальной дифференциации авторитарные тенденции властного аппарата могут быть опосредованы только организованными формами гражданской солидарности.

Ключевые слова: суверенитет, легитимность, гражданское общество, национальная солидарность, гражданская солидарность, политическая репрезентация.

Табуированное долгое время имя Карла Шмитта в последние годы возвращается в поле социально-политических исследований, а применительно к России можно утверждать, что наследие немецкого мыслителя только начинает открываться. Сегодняшний интерес к К. Шмитту во многом обусловлен тем, что его критический анализ политико-правовых основ демократического строя приобретает особую важность на современном этапе политического развития. С момента провозглашенного Ф. Фукуямой «конца истории», знаменует мирovým торжеством модели западной либеральной демократии, всё шире распространяется ощущение кризиса традиционных либеральных ценностей. Усиление влияния радикальных правых и левых движений, неэффективность системы социальной защиты, массовая иммиграция, представители которой не спешат интегрироваться в социальные и культурные структуры либеральных обществ, рост преступности, политическая апатия большинства граждан – эти явления составляют далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкиваются развитые страны. Возрождение уже подзабытой практики уличных беспорядков, наблюдаемое в некоторых европейских государствах, свидетельствует о том, что классический либерализм, преследовавший цель удовлетворения интересов всех и каждого, очевидно, не способен выполнить заявленные задачи. Масштабный характер девиаций позволяет предположить, что их причина кроется не в конкретных политических просчётах, а имеет системный характер.

Закономерности политического развития привели демократию к откровенному несовпадению реального и должного. Современный

демократический процесс слишком далёк от провозглашённого классическим либерализмом права народа принимать решения в ходе свободного обсуждения. Углубляющаяся системная дифференциация общества превращает политику в сферу господства экспертных культур, всё больше закрывающихся от рядовых граждан в своём профессионализме.

Основная проблема массовой демократии обнаруживает себя в противоречии между постулируемым и воплощаемым в действительности суверенитетом. Провозглашённая идеологами буржуазных революций принадлежность суверенитета всей совокупности граждан на практике привела к формированию репрезентирующих его политических элит. Соотношение подобных репрезентативных политических групп и народа в классических демократических теориях представляется как подчинение первых последнему, однако факты говорят об обратном. Идея народного суверенитета в демократической политической традиции в силу своей технической нереализуемости привела к разрыву между властным и социальным. Суверенитет народа свёлся к административно регулируемым пассивным формам выражения лояльности, являющимся необходимым условием легитимации существующей политической системы. Институциональная структура современного либерально-демократического общества строится на противостоянии политического и социального, которое на теоретическом уровне закрепляется в концепте гражданского общества, подчеркивающим взаимную обособленность социальных и властных институтов. Выявление причин столь существенной деформации основных принципов организации власти в демо-

кратическом обществе заставляет обратиться к определению основ народного суверенитета.

К. Шмитт, несомненно, один из наиболее авторитетных до сих пор специалистов в вопросах определения субстанциальной основы суверенной власти. В работе «Политическая теология» Карл Шмитт делает интересное наблюдение о схожести учения о государстве с теологическими построениями [1, с. 57]. Из аналогии, проведённой Шмиттом, следует то, что богословскому вопросу о Боге – источнике Сущего – в государственных исследованиях соответствует вопрос о суверенитете или суверене, и, соответственно, ключевая проблема учения о государстве становится доступной рефлексии только в креационистской версии. Легитимность власти долгое время не знает иной формы, кроме теологической [2].

Рациональная эмансипация дискурса в XVIII–XIX веках последовательно ликвидирует зависимость учений о государстве от теологии, делая возможным кардинальное переосмысление юридической картины, и, как следствие, подталкивает к формированию нового понятия легитимности. Демократическая легитимность, сменившая монархическую, всецело основывается на идее народного суверенитета. При этом идея демократии обладала изначально силой полемического понятия, противостоящего монархии, определяясь самыми общими признаками. Однако политическая деградация монархизма обнаружила содержательную неопределённость демократических принципов: они с равным успехом сочетаются с либеральными, социалистическими и откровенно реакционными взглядами. Более того, Шмитт вполне убедительно продемонстрировал, что демократия не является противоположностью диктатуры. Репрезентирующий принцип демократизма допускает не только выражение всеобщей воли избранными лицами, но и одним лицом, в чём нет никакого противоречия: «...для абстрактной логики, собственно говоря, не составляет совершенно никакого различия, идентифицируют ли с волей народа волю большинства или волю меньшинства, если никогда не может быть абсолютно единогласной воли всех (включая несовершеннолетних) граждан государства» [3, с. 72].

Определяя сущностные черты демократии, Шмитт указывает ряд необходимых для её экспликации тождеств: все принимаемые решения должны быть значимы только для самих решающих (воля меньшинства на деле тождественна воле большинства); тождество управляемых и управляющих, господина и подданных,

субъекта и объекта государственного авторитета; народа и его репрезентации в парламенте; государства и закона количественного (численного большинства) и качественного (правильность закона) [3, с. 170]. Однако названные тождества остаются абстрактными категориями, на деле же мы всегда имеем дело с *отождествлением*. Воля парламентских представителей народа отождествляется с самим народом, а количественное большинство при принятии закона – с его качественными характеристиками. Никакие процедуры так называемой прямой демократии не способны устранить этот факт. И вот здесь возникает один из ключевых парадоксов демократии: невозможность совпадения легитимного и реального носителя власти. В абсолютистской монархической системе монарх являет собой суверена в подлинном смысле: единство легитимности и власти. Демократия неизбежно репрезентативна, принимает парламентские формы.

Технически демократия может опираться на различные по составу группы: социальные, национальные, экономические, однако макро-субъект легитимности во всех случаях один – народ. Воля народа необходимо должна репрезентироваться в парламенте, и поскольку депутаты представляют собой народ, у которого как целого нет воли, то они в своих решениях абсолютно автономны [4]. Это противоречие, как отмечает Шмитт, пыталась устранить пролетарская система Советов, представленная не депутатами, а делегатами, могущими быть отозванными. Периодический характер осуществления властных полномочий съездами, участники которых не отрывались от выдвинувшей их социальной среды, предполагал преодоление политической репрезентативности, слияние властного и социального. Однако политическая практика продемонстрировала утопичность подобных представлений: система советов достаточно быстро профессионализировалась. И хотя элементы делегирования вошли практически во все ныне существующие парламентские системы, но скорее декларативно, нежели реально.

Современная либеральная мысль признает неизбежным противоречие между необходимостью легитимации власти всей совокупностью народа и возможностью её осуществления лишь избранным меньшинством. Ш. Муфф обозначила это противоречие как «парадокс либеральной демократии» [5].

Основания кризисных явлений западной политической системы Ш. Муфф усматривает в политических издержках «агрегативной модели» демократии, возводимой к Й. Шумпетеру.

Шумпетер констатировал неактуальность представлений, относящихся к романтическому периоду становления либеральной теории о том, что «у «народа» есть определенное и рациональное мнение по каждому отдельному вопросу и что мнение это реализуется в условиях демократии путем выбора «представителей», которые следят за тем, чтобы это мнение последовательно претворялось в жизнь» [6].

Суждениям о демократии, исходящим из идеи общего блага и воли народа, которые вполне легитимно могут приводить и к возникновению недемократических форм правления, Шумпетер противопоставил «теорию конкурентного лидерства», согласно которой «индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [6]. Идея демократии как системы конкурирующих властных групп позднее получила развитие в неинституциональных исследованиях, приобретая характер общего места в современной либеральной теории. Наиболее аутентично этот взгляд представлен в теории общественного выбора, политический процесс в работах её представителей (Дж. Бьюкенена, М. Олсона, Г. Таллока, Р. Толлисона и др.) трактуется как сделка между избирателями, политиками и бюрократией на основе критериев полезности.

Проблема, однако, заключается в том, что утилитарность отнюдь не всегда совпадает с легитимностью, что очевидно со времён кантовской критики. Кроме того, неинституционализм исходит из представлений о человеке как рациональном индивиде, стремящемся к максимизации полезности, в то время как наблюдения за реальными людьми заставляют воспринимать подобную характеристику как сомнительную. Нерациональность политического поведения индивидов несомненна даже для самих теоретиков либеральной демократии, о чём свидетельствуют теории политических сдержек и противовесов, конституционной революции и пр. Решающее значение в поддержании сохранности и устойчивости демократических принципов придаётся формированию политической культуры, политическому воспитанию с помощью школы, СМИ. Однако опасные последствия такого воспитания, приводящие демократию к её современному состоянию, были описаны ещё К. Шмиттом: «Случаи же, когда демократы в меньшинстве, весьма часты. Тогда разворачивается та самая старая программа воспитания народа: народ можно привести к тому, что он правильно осознает свою собственную волю, правильно образует её и

правильно выразит. Однако это означает лишь то, что воспитатель, по крайней мере первоначально, отождествляет свою волю с волей народа, не говоря о том, что содержание того, чего будет желать воспитанник, также определяется воспитателем. Из этой науки о воспитании последовательно вытекает диктатура, приостановление действия демократии во имя истинной, только ещё долженствующей быть созданной демократии. Теоретически это не упраздняет демократию» [3, с. 175–176].

В конечном счёте «агрегативная» модель демократии даже при условии предельной рационализации лишь усугубляет односторонность процесса образования общей воли. Фрагментарность, свойственная общественному и индивидуальному сознанию модерна, размывает субстанциальную основу народного суверенитета, делая его интерсубъективным и, следовательно, анонимным. «Коммуникативно расплывчатый суверенитет» (Ю. Хабермас) становится предельно уязвим для влияния административной власти.

Фрагментаризация субстанциальной основы народного суверенитета, позволяющая сделать процесс легитимации управляемым, приводит к практике одностороннего порождения общей воли административным аппаратом, который, не обладая внутренними ограничениями, имеет тенденцию эволюционировать к диктатуре.

Фрагментарность сознания, как отмечает Ю. Хабермас, целенаправленно поддерживается властью, для которой «приемлемой заменой отсутствующих ныне идеологий может быть попросту то обстоятельство, что повседневные знания, появляющиеся в целостной форме, остаются рассеянными или, по крайней мере, никогда не достигают такого уровня артикуляции, когда только одно знание может быть принято как имеющее силу в соответствии со стандартами современной культуры. Происходит ограбление *повседневного сознания*, оно лишается своей способности к синтезированию, становится *фрагментированным*» [7].

Однако подобная сегментированность общества при всей негативности своих последствий, описанных К. Шмиттом, имеет и положительную сторону. Структурная рассогласованность различных социальных подсистем делает *возможным* выделение сферы публичных политических коммуникаций. И чем отчётливее проходит процесс дифференциации социальных систем, тем сложнее властному аппарату противодействовать формированию этой сферы и осуществлять контроль за её функционированием.

Невозможность существования *единого* пространства публичности в современном обществе вследствие его усложняющейся дифференциации создаёт условия для формирования *автономного* пространства публичности, что порождает возможность иной конструкции взаимоотношения властного и социального.

Свойственной демократическому образованию общей воли тенденции к формированию «управляемого процесса легитимации» [8] противостоит другая, часто упоминаемая К. Шмиттом, особенность буржуазной демократии: склонность к публичному обсуждению.

Открыв для себя, а впоследствии и для широкой публики Доносо Кортеса, Шмитт оказался очарован интуициями испанца, чьи образы переключаются из одной его работы в другую. Самое поразительное для Шмитта определение, данное Кортесом столь нелюбимой им буржуазии, заключалось в словосочетании *clasa discutidora* (дискутирующий класс).

Сама дискуссионность Шмиттом оценивается негативно, он пишет о стремлении буржуазии растворить метафизическую истину в переговорах и о порождаемой дискуссионностью «выжидательной половинчатости». Однако здесь же К. Шмитт отмечает: «Диктатура – противоположность дискуссии» [1, с. 94].

Эта антиавторитарная дискутирующая природа буржуазии и становится отправной точкой для Ю. Хабермаса в построении новой модели демократического общества – радикальной демократии. В первую очередь должна быть решена задача возрождения суверенной роли народа, сведённой к отождествлению лояльности и легитимности. Ключевым понятием этой программы является *Öffentlichkeit*, которое переводится в отечественной литературе и как «общественность», и как «публичность». Слово *Öffentlichkeit* может быть раскрыто как специализированное сообщество, к которому обращается человек, исходя из принятой в нём системы ценностей, поэтому оба перевода соответствуют смысловому содержанию немецкого термина, хотя и не раскрывают его полностью, что обусловлено различиями в техниках номинаций русского и немецкого языков.

Общественность призвана разрешить основное противоречие либеральной демократии, не меняя социальной структуры общества. Независимые гражданские объединения, чьей задачей является генерирование политических коммуникаций, актуализация значимых общественных проблем, должны обеспечивать обратную связь в процессе образования общей воли.

Идея Хабермаса не нова: возникновение буржуазии превращает общественное мнение в один из главных инструментов политики, определяющих облик демократического общества. Ещё К. Шмитт отмечал, что в Новое время «публичность обретает абсолютную ценность, хотя сначала она является только практическим средством против профессионально-бюрократически-технической тайной политики абсолютизма. Она является абсолютно контролирующим органом; устранение тайной политики и тайной дипломатии становится панацеей от любой политической болезни и коррупции. Конечно, лишь Просвещение XVIII в. придаёт ей этот абсолютный характер. Свет публичности – это свет просвещения, освобождение от предрассудков, фанатизма и властных интриг. В каждой системе просвещённого деспотизма общественное мнение играет роль абсолютного корректива» [3, с. 191].

Однако публичные интенции буржуазного сознания достаточно скоро атрофируются. Ю. Хабермас в различных работах подробно прослеживает генезис общественного мнения в буржуазном обществе, который приводит его к перерождению в один из инструментов реализации политического господства. Уже отмеченная тотальность власти «подминает» под себя и фактически дезавуирует автономную публичность. Однако распад общества вновь на ряд взаимообособленных подсистем в значительной мере освобождает сферу повседневных практик от властного контроля. Сегментированное общество уже не может управляться с помощью какого-либо одного ресурса. Хабермас отмечает, что современные общества удовлетворяют свои потребности в управлении с помощью трёх ресурсов: власти, денег и солидарности [9, с. 173]. Последний ресурс становится необходимым для эффективного управления.

Антихолистское понимание общества служит той линией, что разделяет позиции Ю. Хабермаса и К. Шмитта в отношении народного суверенитета. Если для первого суверенитет определяется набором актуальных для народа политических процедур, то для последнего народный суверенитет подразумевает субстрат, что приводит Шмитта к идее осуществимости демократии лишь в рамках национального государства [9, с. 237–241].

«Субстанциалистское понимание народного суверенитета, по существу, связывает «свободу» с *внешней* независимостью существования народа, процедуралистское же – с равномерно гарантированной всем частной и публичной

автономией *внутри* ассоциации свободных и равных носителей прав» [9, с. 245–246].

Институционально оформленный процесс образования политической воли, который, как уже отмечалось, сводит участие народа в принятии политических решений лишь к управляемым формам выражения лояльности, может быть трансформирован давлением общественного мнения, выступающего в качестве нормативной силы. Позиция Хабермаса определяется не только наличием в обществе независимых ассоциаций граждан, но и существованием в нём свободных коммуникаций (что нашло отражение в смысловой двойственности термина *Öffentlichkeit*). Как замечает по этому поводу И.П. Фарман, «растворившийся в коммуникативном процессе суверенитет обретает власть, заставляет считаться с собой, когда он становится дискурсом общественности, инициированным ее автономными образованиями» [10].

Ю. Хабермас, неоднократно критично высказывавшийся о К. Шмитте, удивительно схож с ним в диагностике современного состояния демократии. К. Шмитт уловил основную проблему народного суверенитета в условиях демократического режима: субстанциально множественный, он неизбежно репрезентируется, порождая раскол политического и социального. Однако следствия из этого состояния содержат в себе разные возможности: для К. Шмитта они чреваты появлением диктатуры, для Ю. Хабер-

маса создают условия для возрождения народного суверенитета.

Список литературы

1. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
2. Деревянченко Ю.И. Политическая теология и правовое государство. Уроки Карла Шмитта // Вестник ЧитГУ. № 4 (55). Чита: ЧитГУ, 2009. С. 50–54.
3. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
4. Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 5.
5. Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии // Логос. 2004. № 6 (45). С. 140.
6. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 667.
7. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS T. 1. Вып. 2. С. 135.
8. Хабермас Ю. Догоняющая революция и потребность в пересмотре левых идей. Что такое социализм сегодня? // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 164.
9. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
10. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. М.: ИФРАН, 1999. С. 209.

SOVEREIGNTY AND DEMOCRACY: SCHMITT VS HABERMAS

Y.I. Derevjanchenko

The problem of lack of coincidence between postulated and realized sovereignty in democratic societies is under study. The approaches of K. Schmitt and J. Habermas to definition of substantial basis of the sovereign power are analysed. The conclusion is drawn that under the conditions of social differentiation authoritarian tendencies of the State machinery might be mediated only by such organized forms as civic solidarity.

Keywords: sovereignty, legitimacy, civic society, national solidarity, civic solidarity, political representation.